

Начальная история Арзамаса связывается с малоправдоподобной легендой о мордовских старейшинах Арзяе и Масае, встретивших войско Ивана Грозного на пути в Казань в 1552 году и изъявивших желание принять христианство. В награду за это заложенная царем крепость получила название, соединившее эти имена.

нившее эти имена.

Явно тенденциозная по характеру легенда, вышедшая из церковной среды, не может заслуживать доверия. Немногим отличаются от нее и попытки связывать возникновение Арзамаса с истолкованием этого названия с помощью мордовского языка. Поэтому, оставляя область легенд и предположений, следует обратиться к документальным данным о начальной истории Арзамаса.

Руководствуясь давней традицией, Большая советская энциклопедия и Советский энциклопедический словарь 1980 года принимают за отправную дату появления Арзамаса 1578 год. Основанием для этого считается упоминание Арзамаса в сохранившейся духовной грамоте Ивана Грозного, которая сообщает: «Да сыну моему... город Арзамас с мордвами и черемисою со всем по тому, как было при мне...». В книге «Собрание государственных грамот и договоров», изданной в 1950 году, эта грамота датирована составителями 1572—1578 годами (№ 104, стр. 437). В другом издании—«Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей» — книге, выпущенной в 1952 году, текст этой же грамоты датируется июнем-августом 1572 года. Отсюда следует, что начальную историю Арзамаса, как уже существующего города, можно вести с 1572 года.

Такая довольно странная на первый взгляд ситуация обязывает нас рассматривать начальную историю Арзамаса с учетом обстоятельств фактического исторического процесса и всех имеющихся документов, относящихся к этой проблеме.

Город Горький отделен от Арзамаса расстоянием, лишь немногого превышающим сотню километров. Но по времени основания эти города разделены дистанцией в три с половиной столетия.

Причиной этого было монголо-татарское завоевание, надолго затормозившее русское освоение Поволжья. По сохранившимся летописям и документам, граница Нижегородского княжества, а позднее Русского государства долгое время проходила к югу от Нижнего по среднему течению Пьяны (в районе Вада) и западнее — по реке Сереже. К югу от этой границы шла полоса владений мордовских князей. Монголо-татарское иго не только затормозило, но и свело на нет наметившийся здесь процесс консолидации мордовского народа. Поэтому вплоть до XVI столетия мордовские земли представляли собой россыпь мелких и мельчайших владений местных феодалов. Русские летописи и документы всегда говорят о мордовских князьях во множественном числе.

Числе.

Положение на мордовских терри-
ториях хорошо отражает сохранив-
шийся документ 1498 года — пись-
мо князя Хованского из Мурома в
Москву о проезде зарубежных пос-
лов через мордовские земли. В нем
сказано, что послы ехали «...полем
до Суры до Папулы мордвина, а от-
толе, государь, сказывают, ехали на
князя на Ромодана, да на Кирдано-
ву морду, да на Саконы, а ныне,
государь, стоят за рекою против го-
рода» (Мурома) — (Сб. русского
исторического общества, т. 41, СПб,
1896, стр. 84).

Раздробленность мордовских земель издавна поддерживалась внешними силами и имела пагубные последствия социально-экономического и политического характера. Особенно пагубной была зависимость феодальной верхушки мордвы от внешних сил — Золотой Орды и Казанского ханства с одной стороны

и Руси — с другой. Постоянно предавая интересы своего народа, эта верхушка могла лишь лавировать между противоборствующими сторонами. Говорить о мордовских князьях как о представителях национальных интересов мордовского народа оснований не имеется.

В работе А. А. Гераклитова «Арзамасская мордва» дан обзор административного деления Арзамасского уезда в XVII. столетии. Наряду с обычными для русских земель административными единицами — станами — в арзамасских документах неоднократно упомянуты особые единицы — «беляки»: Сакон-

роховца и вотчин князей Пожарских. В 1541—42 годах была вновь опустошена нижегородская округа, сожжен и разгромлен Печерский монастырь, опустошены селения за Волгой и округа Лыскова. Нижний Новгород тогда стал как бы островком в потоке, где хозяйничали пришельцы.

Следует полагать, что от этих на-
шествий несомненно, пострадала и
округа Арзамаса, и тогда же вновь
установилась тюркская администра-
тивная система, наложившая на рус-
ские названия беляков — Мещер-
ский и Ярославский.

Даже в 1550 году русско-казан-

замаса: «на Авшечь реке» — речке Акше, впадающей в Тешу в 2—3 километрах выше города. Однако Арзамас в летописи не назван.

Первое и самое раннее упоминание Арзамаса в документах относится к 16 марта 1562 года. Это царская жалованная грамота Е. Д. Бахметеву, дошедшая до нас в копии XVII века, сделанной ее владельцем, и поэтому не вполне заслуживающая доверия. В ней Бахметев пожалован: «В Орзамасе волостью Собакиною» (Сб. А. Юшкова, ч. I, М., 1898, стр. 173). В этом кратком сообщении есть любопытная деталь: Арзамас отмечен только как территория, поделанная на волости, но уездом не назван. Следующее упоминание Арзамаса уже как города относится к июню-августу 1572 года, если верить датировке исследователей, опубликовавших духовную грамоту Ивана Грозного в 1952 году («Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей». М.-Л., 1952, стр. 104). Далее по времени следует ввозная грамота Ивана Грозного вдове Марье Абрамовой от 12 декабря 1574 года: «...в Орзамасский уезд в Ирженской стан в село Березову усаду в Михайлов жеребей... а Михайлу на нашей службе в немецком походе убили...» (Сб. А. Юшкова, ч. I, стр. 184).

Приведенные документы образуют как бы цепочку, отражающую развитие Арзамаса сначала как территории с волостями (1562 г.), затем отмечают его как город (1572 г.) и далее в качестве уездного центра со станами (1574 г.).

Дальнейшее развитие Арзамаса как города отражают сведения Разрядной книги 1475—1598 годов, опубликованной в 1966 году. По ее данным, в крепость Алатырь, расположенную значительно южнее и восточнее Арзамаса, в 1575 году был назначен воеводой князь В. Ф. Ростовский, а в 1576 году арзамасским воеводой был Григорий Бобров Шетнев, в 1577 г. — Иван Хохлов, в 1578 г. — Степан Волынский, в 1579 — двое воевод — Добыча Лачинов и Василий Левашов (Разрядная книга 1475—1598 годов. М., 1966, стр. 271, 291, 300). Под 1583 годом по Арзамасу числились: «Князь Андрей Солнцев-Засекин да для вылазки послан Григорей Мещанинов Морозов», а их предшественник «Арзамасский князь Андрей Дмитриевич Звенигородский» вместе с князем М. Ф. Троекуровым был послан для выполнения правительственного поручения — «для размены пленных людей за смоленский рубеж».

Рост значения Арзамаса отражает еще один малоизвестный документ — закладная грамота Ивана Прохорова сына Писемского Троице-Сергиеву монастырю: «На его купленный двор в Арзамасском большом остроге на Пушкарской улице» (подчеркнуто нами — И. К.) от 16 апреля 1633 года (С. Шумаков. Обзор арзамасских и балахнинских актов. Н. Новгород. 1898. стр. 3).

Упоминание Большого острога в Арзамасе подразумевает наличие Малого Острога, или детинца в Арзамасской крепости. Был ли этот Малый острог первоначальным укреплением города, сооруженным русским государством, или обновленным русским Арзамасовым городищем, о котором писал П. И. Мельников, остается пока неясным. Ответить на этот вопрос могут лишь археологические исследования в историческом ядре города — на площади Ленина.

ядре города — на площади Ленина. Данные приведенных документов убедительно свидетельствуют о том, что официально принятая дата начала Арзамаса явно требует пересмотра. Эти же документы позволяют считать, что быстрый рост значения Арзамаса как административного центра края и русской пограничной крепости произошел уже в конце 70-х — начале 80-х годов XVI столетия.

XVI столетия.
И. КИРЬЯНОВ,
кандидат исторических наук.
ГОРНЫЙ

Помоги, находки

О НАЧАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

Арзамас

ский, Кирдяновский, Мещерский, Моргальский. Добавим, что в нижегородском документе — платежнице 1608 года — упомянут бортник «Васька Анасев Ярославского беляка» (С. Веселовский. Нижнегородские платежницы. М., 1910, стр. 60). Подобные беляки во множестве упомянуты в документах, относящихся к территории Марийской АССР, и, по данным профессора Сафаргалиева, в Крыму, где было Крымское ханство.

Крымское ханство.
В переводе с тюркского «беляк» означает «пожалование» и, следовательно, для условий нашего края он являлся отголоском былой татарской административной системы.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что тюркская административная система накладываеться на чисто русские названия беляков — Мещерский и Ярославский. Такое положение объясняется тем, что с конца 20-х и до конца 40-х годов XVI века обстановка на территории края складывалась далеко не в пользу Русского государства. В 1521 г. войско Саип-Гирея «повоевавше около Нижнего Новгорода и до Клина» (ныне Вачский район). В 1536—37 годах Сафа-Гирей пытался взять Муром, снова разгромил Березополье, взял и ограбил Балахну и перенес боевые действия в район Го-

ские столкновения еще затрагивали близкие к Арзамасу места: «тоже зимы марта приходили казанские люди, а в головах у них Мамазер князь, а с ним 140 человек.. И воеводы из Мурома за ним ходили.. и за Кудымою на Константиновском поле побили их на голову и Мамазера князя убили» (Полн. собр. русских летописей, т. 22, СПб, 1911 стр. 529).

Из изложенного следует, что ситуация, существовавшая на территории нашего края в конце XV — первой половине XVI веков вряд ли позволяла быть на месте Арзамаса какому-то значительному мордовскому центру. Здесь могло быть в лучшем случае лишь небольшое «Мордовское Арзамасово городище» о котором писал П. И. Мельников в своих «Очерках мордвы». К сожалению, он не сослался при этом на использованный им источник.

использованный им источник.
Кардинальный поворот в ходе со-
бытий на территории края был свя-
зан с разгромом Казанского ханства
войсками Ивана Грозного в 1552 го-
ду. Главные силы русского войска
шли из Мурома через район Арза-
маса к Алатырю. Летописец подроб-
но, по станам-ночлегам описывает
их путь, сообщает, что третий стан
был под Саконским городищем, а
пятый — в ближайшей окрестности